

ИСКУССТВО

ОРГАН СОЮЗОВ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ И СКУЛЬПТОРОВ

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

1938

ШЕСТОЙ ГОД
ИЗДАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“

МОСКВА
ЛЕНИНГРАД

БРАТЯ А.П. и Н.П. ЧЕХОВЫ и И. И. ЛЕВИТАН

А. Т У Р У Н О В

В ОСЬМИДЕСЯТЫЕ годы были важным этапом в жизни Исаака Ильича Левитана. В 1881 г. он окончил натурийный класс Московского училища живописи, ваяния и зодчества, стал приобретать известность как талантливый пейзажист, картины которого еще на ученических выставках привлекали внимание. Он много и с увлечением работал, постепенно освобождаясь от манеры своих учителей Саврасова и Поленова, которое так сильно сказывалось в его ранних пейзажах. Много читал, вращался в кругу молодых художников и литераторов и был увлечен поисками своеобразия красоты русского пейзажа. „Он больше других задумывался над вопросом о русских элементах подмосковного и волжского пейзажей. И если не он поставил самую задачу, то он дал нам лучшее ее решение: Левитан любил русскую природу фанатически, почти иступленно и, благодаря своей особой чуткости и нервной проникновенности, он сумел вобрать в себя все мысли и чувства, которыми горели его сверстники и товарищи“¹.

Как раз в эту пору и произошло его сближение с семьей Чеховых и укрепилась на всю жизнь дружба и духовная близость с Антоном Павловичем Чеховым, таким же, как он, тонким и проникновенным мастером русского пейзажа.

Чехов тогда только еще выходил на широкую дорогу в литературе. Его блещущие талантом маленькие рассказы, печатавшиеся в „Осколках“, „Будильнике“, „Петербургской газете“ за подписью Антоши Чехонте, успели уже привлечь внимание литераторов и читающей публики. 25 марта 1886 г. Григорович послал ему свое письмо, в котором первым протягивал ему руку, восторгаясь его дарованием, и призывал к созданию крупных повестей и к сотрудничеству в больших журналах. Из литературного „подмастерья“ А. П.

Чехов превращался в ту пору во взыскательного к себе мастера. Литературовед Н. Н. Сретенский называет 1886 год „замечательным годом“ творчества Чехова. „Такого творческого плодотвория, как в 1886 и в начале 1887 года, — писал он, — мы не видим у Чехова ни раньше, ни позже. От рассказа „Художество“ (6 января 1886 г.) до „Верочки“ — на протяжении 13 месяцев — Чехов написал 109 произведений, из которых 63, т. е. около 60 проц., прошли позднейшую суровую цензуру самого писателя и были отобраны им для первого собрания сочинений“². Вот как росла литературная продукция А. П. Чехова: в 1882 г. им было написано 31 произведение (355 стр.), в 1883 г. — 99 (280 стр.), в 1884 г. — 66 (372 стр.), в 1885 г. — 95 (355 стр.) и в 1886 г. — 95 (563 стр.).

Такой же продуктивной работой отмечены эти годы и у его друга Левитана. Одно лето И. И. Левитан проводит в Салтыково по Нижегородской жел. дороге, ранней весной 1884 г. едет на этюды в Саввину слободу под Звенигородом, на следующее лето поселяется в деревне Максимовке вблизи Бабкина, где жили тогда Чеховы, следующие два лета проводит в самом Бабкине вместе с Чеховыми. Ранней весной 1886 г. совершает поездку в Крым (Ялта, Алушка) и в том же году впервые едет на Волгу. Затем опять живет в Саввиной слободе вместе с художниками А. С. Степановым и С. П. Кувшинниковой, вместе с ними же совершает в 1888 г. вторую свою поездку по Волге, давшую замечательные результаты.

С 1884 г. художник начинает принимать участие в выставках Товарищества передвижников, куда сначала не очень охотно берут его будто бы „незаконченные“ полотна.

В творчестве Чехова и Левитана „бабкинский период“ играет важную роль. „Воскресенск и Бабкино сыграли выдающуюся

¹ И. Грабарь. Художественный облик Левитана. В кн. „И. И. Левитан“, М., изд. Кнебеля, 1913, стр. 10.

² Н. Н. Сретенский. Замечательный год. Сб. „А. П. Чехов и наш край“, Ростов-на-Дону, 1935, стр. 75.

роль в развитии дарования Антона Павловича, — писал в своих воспоминаниях брат Чехова Михаил Павлович, — здесь он написал все свои самые веселые, самые жизнерадостные вещи, которые помещались в „Осколках“ и в „Петербургской газете“; поразительно, — замечает М. П., — что Бабкино сыграло выдающуюся роль и в художественном развитии творца школы русских пейзажистов Левитана. Оба они, и Чехов и Левитан, всегда с большой теплотой писали о времени, проведенном в Бабкине. Это был замечательно живописный уголок. На берегу реки Истры, на пригорке, среди деревьев парка, прятался просторный дом, вниз к реке вела простая лестница, во дворе большой флигель, часть которого занимали Чеховы, а в другом, маленьком флигеле, ютился потом Левитан.

В 1880 г. один из братьев Чехова, Иван Павлович, получил место учителя в земской школе в Воскресенске; семья Чеховых стала каждое лето жить в этом городе. Наезжали туда и Антон Павлович, и Николай Павлович — молодой художник, приятель Левитана по Училищу живописи. В Воскресенске Чеховы познакомились и сблизились с семьей Киселевых, усадьба которых (Бабкино) находилась в 5 верстах от Воскресенска.

И. И. Левитан. Фотография. 1887. Гос. Литературный музей. Публикуется впервые.

I. Lévitane en 1887. Photographie inédite. Musée de Littérature à Moscou.

Летом 1885 г. Чеховы поселились в Бабкине. „Случилось так, — рассказывает в своих воспоминаниях М. П. Чехов, — что когда мы проводили первое лето на даче в Бабкине, недалеко от нас оказался на жительство и Левитан. Верстах в трех от нас, по ту сторону реки, на большой Клинской дороге находилась деревня Максимовка. В ней жил горшечник Василий — горький пьяница, пропивавший буквально все, что имел, и не было времени, когда жена его Пелагея не ходила брюхатой. Художник Левитан, приехавший на этюды, поселился у этого горшечника“.

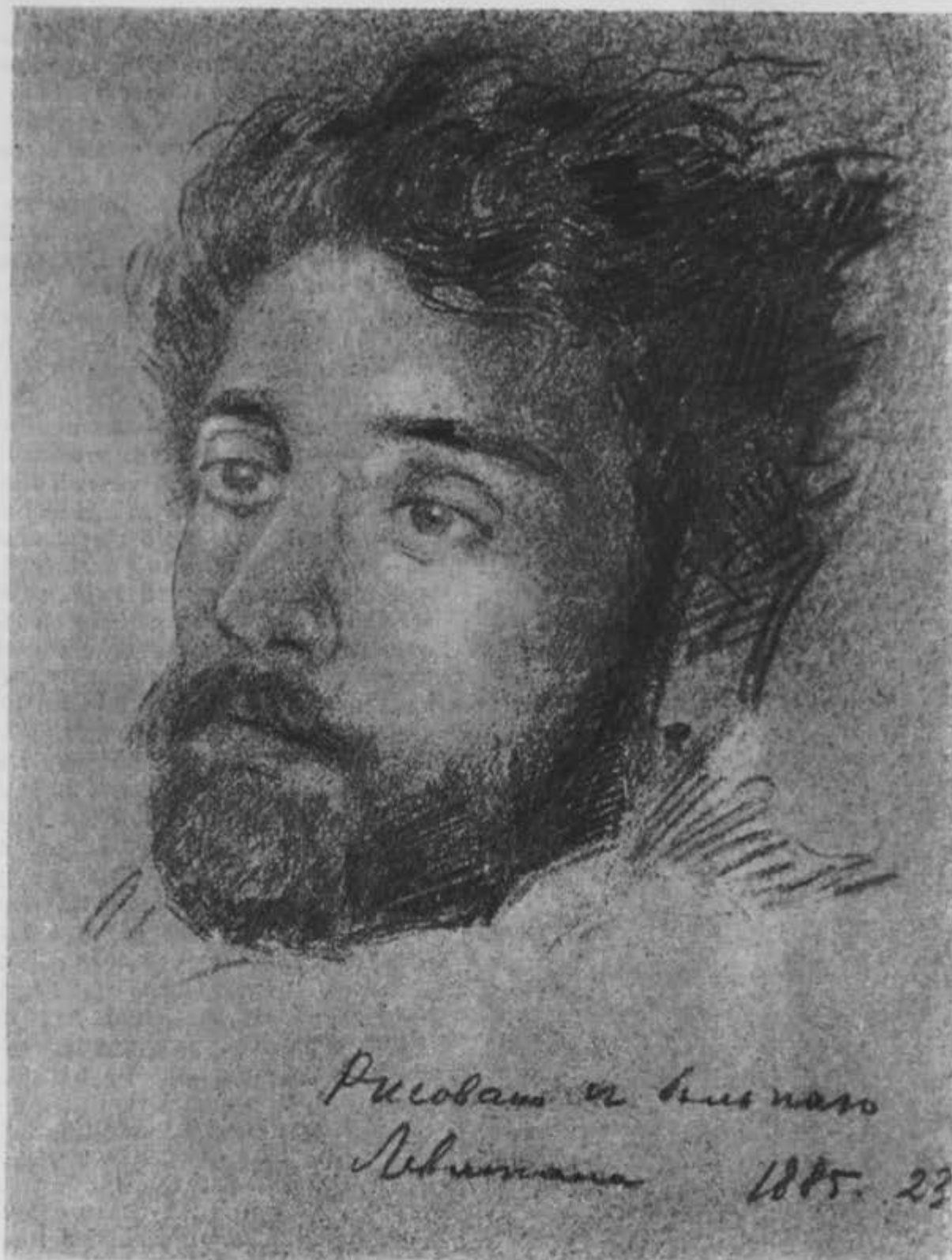
Еще в ученические годы И. И. Левитан познакомился и сдружился с Н. П. Чеховым — обаятельным человеком и талантливым молодым художником. Часто бывал у него вместе с Яновым, Шехтелем и др., но „ближе всего, — сообщает Мария Павловна Чехова, — Левитан сошелся с нашей семьей в Бабкине. . . Сначала он устроился в 1½ верстах, в деревне Максимовке, но затем тоже переехал к нам в Бабкино, и так мы прожили целых три года. Это время я вспоминаю всегда с невольной добродушной улыбкой — так много вспоминается молодости, всякого дурачества и таких ярких, полных жизни картин. Хозяйка имения Киселевы превращали жизнь в сплошной праздник, полный остроумного шутовства и какой-то бесшабашной богемы. Веселый, бесшабашный смех не смолкал порой с утра до вечера. . . Исаак Ильич от души дурачился с нами“³. Приезжали гости — молодой художник А. Янов с сестрами, архитектор Ф. О. Шехтель, приезжал старший брат Чеховых Александр (литератор). У Киселевых жил В. П. Бегичев (отец хозяйки), певец Владиславлев, наезжали знакомые из Воскресенска. Вечерами занимались музыкой, велись споры о литературе и живописи. Об этих вечерних беседах „на крылечке бабкинского флигеля или на террасе господского дома, в присутствии Ма Па⁴, „Фальшивомонетчика“⁵ и Левитана“, — упоминает Антон Павлович в одном из своих писем к Киселевой.

Веселая дачная жизнь не мешала Левитану напряженно работать, как не мешала и Антону Павловичу писать. В Бабкине Левитаном было написано множество этюдов, в том числе один замечательный пейзаж с окна дачи Киселевых (из комнаты В. П. Бегичева). Пейзаж этот, по словам М. П. Чеховой, „составил одну из лучших картин Левитана“. „Дурачились мы только тогда, когда считали себя в праве отдыхать, — рассказывает Мария Павловна. — В остальное время и в иные дни с утра до вечера Левитан и брат были за работой. Левитан иногда прямо поражал меня — так упорно он работал

³ Воспоминания М. П. Чеховой были записаны с ее слов С. Глаголем и напечатаны им в статье „И. Левитан“ в сб. „Новое слово“, вып. I, М., 1907, стр. 215—219.

⁴ Марии Павловны Чеховой.

⁵ Собака Киселевых.

Н. Чехов (?). Портрет больного И. Левитана. Карандаш. 1885.
Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

N. Tchekhov (?). Portrait de I. Lévitane malade. Dessin 1885.
Musée A. Tchekhov à Yalta.

и стены его флигелька быстро покрывались рядами превосходных этюдов".

Чехов написал в Бабкине много рассказов, в том числе такие шедевры, как знаменитый „Налим“ (1885), „Ведьма“ (1886), „Агафья“ (1886), „На реке“ (1886), где уже имеются элементы будущей повести „Степь“, и др.

И Чехов и Левитан были большие любители рыбной ловли. „Иногда в дни отдыха мы часами просиживали с удочками где-нибудь в тени прибрежных кустов, — вспоминает Мария Павловна. — Тишина, шопот листвы, журчит бегущая по камням речка,

навеяв какое-то элегическое настроение. Левитан клал удочку и начинал декламировать что-нибудь из Тютчева, Апухтина, Никитина или Алексея Толстого — это были его любимые поэты, и он знал наизусть множество красивых стихов“.

В июне 1885 г. Левитан серьезно заболел и вынужден был перебраться из Максимовки в Москву. „Москва — это ад, а люди в ней черти, — писал он еще дрожащей от слабости рукой А. П. Чехову (23 июня). — Пятый день у меня катаральная лихорадка, по определению доктора Королевича (не Бовы), который обещает продержатъ меня

в постели еще неделю или две... Скажите [бабкинским жителям], что я не дождусь минуты увидеть опять это поэтическое Бабкино".

В приписке Николаю Чехову Левитан писал: „Как я обрадовался, узнав, что Вы в Бабкине. Вам это необходимо — поработать усердней и поправить свою невралгию". Обещал попытаться достать для него „самостоятельную работу" в театре Мамонтова, где сам в ту пору писал декорации, помогая Поленову.

Николай Павлович Чехов был двумя годами старше Антона Павловича. По отзывам знавших его, это был весьма одаренный, милый, но несколько беспорядочный человек. Приехав в Москву из Таганрога осенью 1875 г. вместе со старшим братом Александром, он поступил на живописное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества. Бедствовал и учился так же, как и его одноклассник по училищу Левитан, с которым он скоро подружился. Переезд в Москву родных Чехова в 1876 г. не изменил положения к лучшему. Николай Чехов стал понемногу работать за грошевую плату для иллюстрированных изданий, как работали тогда и братья Левитаны, и Янов, и другие ученики Училища живописи. Семья Чеховых, поселившаяся в подвальном помещении в одном из беднейших районов Москвы на Драчевке (Трубная улица), едва перебивалась. Отец долгое время не мог найти работы, пока не поступил в лавку Гаврилова приказчиком. Александр Чехов

писал 17 марта 1878 г. в Таганрог Антону Павловичу: „Нужно тебе сказать, что мать с каждым днем все гаснет и гаснет, как свечка. Сестра больна... Нет ли у тебя чего-нибудь продать из прежнего хозяйства. Мать страшно нуждается в деньгах; мои и Колины достатки мало помогают, несмотря на нашу умеренность и нетребовательность... Николай не на шутку стал подниматься, что меня искренне радует. Ни к кому из братьев я так не привязан, как к нему. Славный он, славный".

Николай Чехов действительно делал большие успехи в живописи. В 1879 г. он был уже в натурном классе, имел серебряную медаль за картину „Сокольниковый круг". Много работал для иллюстрированных изданий: „Москвы", „Зрителя", „Света и тени", „Будильника", позднее для „Всемирной иллюстрации" и „Осколков". Из него вырабатывался хороший рисовальщик. Но усиленная работа для журналов в погоне за заработком, который был так нужен семье, скоро испортила зрение. Вследствие болезни глаз он осенью 1881 г. оставил училище. С выходом же из училища терял и льготу по отбыванию воинской повинности, не мог выхлопотать себе паспорта и продолжал жить в Москве на не совсем легальном положении, что очень его нервировало. В сентябре 1884 г. он вновь вернулся в училище, но усидчиво работать уже не мог и скоро вновь ушел. Болезнь глаз мешала заниматься живописью — он долгое время не различал тона красок, что было для него трагедией. Попав в среду богемы и имея слабый и податливый характер, Н. Чехов стал покушивать, причиняя этим Антону Павловичу большие огорчения. А. П. Чехов любил брата, старался на него влиять, но не всегда в этом успевал.

„Я живу не в столице, а в селе Бабкине, куда меня уехали доктора для лечения еще в апреле, — писал Н. Чехов редактору журнала „Всемирная иллюстрация". — Сначала я ослеп, а затем, прозрев, начал мучиться сильнейшим ревматизмом, который заставил меня слечь. Свежий воздух воскресил меня настолько, что есть уже 15 дней, как я работаю. Здесь много интересного. Я нарисовал несколько церквей времен Бориса Годунова и Михаила Федоровича, — Новый Иерусалим, построенный Никоном... ярмарку в Воскресенске... около 15 августа буду в Москве и займусь „Хитровым рынком", при чем также дам и текст к нему..."

Тексты к рисункам Н. Чехова, а часто и самые темы этих рисунков давал Антон Павлович. Из этих подписей к рисункам (сказать кстати, они до сих пор еще не собраны и не изучены), как известно, родились потом некоторые чеховские рассказы. Летом 1880 г. А. П. и Н. П. Чеховы ездили в Таганрог, гуляли на одной свадьбе у своих родственников, а затем в журнале „Зритель" (1881, № 16) поместили большую карикатуру „Свадебный сезон", где очень метко изобразили своих таганрогских знакомых. Из пространых подписей к этой карикатуре А. П.

Н. Чехов. Портрет А. П. Чехова. Масло. Гос. Литературный музей.

N. Tchekhov. Portrait de A. Tchekhov. Peinture. Musée de Littérature à Moscou.

Чехов сделал потом известный рассказ „Свадьба“. „Если Вам обоим дороги Ваши бока, — писал Александр Чехов в 1882 г. братьям с родины, — то не советую вам ездить в Таганрог. Лободины, Селивановы, сродники и южики — все сплошь обозлены на вас за „Свадьбу“ в „Зрителе“... Тетка Л. П. рассказывала, как она аж заболела када узнала, что ета написали аны (т. е. вы), а Селиванов прямо называет вас вольнодумцами“... В некоторых персонажах в рисунках Н. Чехова можно без труда узнать Антона Павловича (рис. „Он выпил“ в журнале „Москва“, № 16, 1882 г., „Татьянин день“ в журнале „Будильник“ № 4, 1882 г. и др.).

И. И. Левитан, очень нуждаясь в деньгах, тоже за гроши работал в иллюстрированных изданиях, хотя, кажется, в юмористической прессе, где работали братья Чеховы, участия не принимал⁶.

Н. П. Чехов умер от чахотки летом 1889 г. на Луке, где Чеховы жили на даче в усадьбе Линтваревых. Антон Павлович много заботы отдал больному брату и тяжело пережил его смерть. Сосредоточенной грустью веет от его письма, посланного Шехтелю 18 июня 1889 г. из Сум: „Вчера, 18 июня, умер от чахотки Николай. Лежит теперь в гробу с прекраснейшим выражением лица. Царствия ему небесного, а вам, его другу, — здоровья и счастья“.

Своему школьному товарищу доктору Островскому на запрос о брате Николае писал позднее: „Вы спрашиваете о моем брате Николае. Увы, он в 1889 г. умер от чахотки. Это был талантливый и уже популярный художник и подавал солидные надежды. Смерть его — большой минус моей жизни“.

В письмах А. П. после смерти брата стали проскальзывать нотки какой-то душевной опустошенности. Скоро он задумал поездку на Сахалин.

Работы Н. П. Чехова, обращавшие в 80-х годах на себя внимание, разбросаны по многочисленным журналам и основательно теперь забыты, о чем приходится пожалеть. Некоторые из них, как и его иллюстрации к первому чеховскому сборнику рассказов „Жены артистов“ (сборник этот был набран, но не вышел в свет), представляют несомненный интерес. Н. Чехов принадлежал к плеяде молодых художников, учеников Московского училища живописи, среди которых находим имена братьев Коровиных, Святославского и товарищей Н. Чехова — И. Левитана и Янова.

В 1871 г. на первой передвижной выставке появилась картина А. К. Саврасова „Грачи прилетели“ — картина, которой суждено было сыграть исключительную роль в истории русского реалистического пейзажа. Конечно,

И. Левитан. Портрет писателя А. П. Чехова
Этюд. Масло. 41,8 × 31. 1885—1886.
ГТГ.

I. Lévitane. Portrait de l'écrivain A. Tchekhov
Etude. Peinture. 1885—1886. Galerie Tretyakov

и до Саврасова было немало выдающихся русских пейзажистов, но шли они в большинстве случаев проторенной тропой, отыскивая в природе нарочито красивое и не ломая издавна сложившихся канонов. Саврасов одним из первых взглянул на русский пейзаж иными глазами; он, по словам Левитана, попытался „отыскать и в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле“.

⁶ Есть известие, что Н. П. Чеховым была написана женская фигура в картине Левитана „Осенний день. Сокольники“ (1879), а Левитаном написано небо в картине Н. Чехова „Мессалина“; картина эта — большое полотно — была вделана в стену в доме Шехтеля на Петербургском шоссе.

В своих исканиях реализма в пейзаже Саврасов был не одинок. Такие же задачи ставил перед собой рано умерший Ф. А. Васильев, Святославский, написавший из окна мастерской Училища живописи крыши домов и купола соседней церкви, В. Д. Поленов, Константин Коровин и некоторые другие, но Левитан довершил эти поиски, дал ряд блестящих полотен и открыл ими новый период в истории русской пейзажной живописи. Не преувеличением являются слова И. Грабаря, сказанные про этого художника: „Левитан — это целая полоса русской живописи, такая же, какой в литературе был тургеневский период“.

Левитан был поэтом русской природы. Глубоко эмоциональны его обыденные по сюжетам произведения — стога скошенного сена на лугу под серым небом, пустынная улица деревни с рядами бедных изб, столь обычная в царской России, проселочные дороги, заброшенные погосты, расшивы на Волге — все, мимо чего прежде проходили художники-пейзажисты.

Когда весной 1886 г. ему удалось поехать в Крым и он прислал первые востор-

женные письма о крымской природе своим приятелям Ф. О. Шехтелю и А. П. Чехову, Шехтель написал Чехову: „Левитан разразился двумя письмами — Вам и мне⁷... Его письмо — сплошной восторг и увлечение Крымом⁸, в конце концов он сознается, что я был прав, предсказывая, что он оттолкнется от севера. Вообще не думаю, чтобы эта поездка принесла ему какую-либо пользу, скорее наоборот; очевидно, что он увлечется яркостью и блеском красок и они возьмут верх над скромными, но зато задушевыми тонами нашего севера. Пропащий человек...“ В ответ на эти опасения И. И. спешит успокоить друзей и в письме от 29 апреля 1886 г. пишет А. П. Чехову: „... Теперь я поселился в Алушке. Ялта мне чрезвычайно надоела. Общества нет, т. е. знакомых, да и природа здесь только в начале поражает, а после становится ужасно скучно и хочется на север, а там непременно в Бабкино — видеть вашу гнусную физиономию... Передайте Шехтелю, пусть не беспокоится. — Я север люблю теперь больше, чем когда-либо, я только теперь понял его...“

И А. П. Чехов любил северную природу, тонко чувствовал ее прелесть, мастерски умел изображать. В последние годы жизни, вынужденный поселиться в Ялте, он тяготился югом, рвался в Москву и скучал.

В декабре 1899 г. Левитан после долгих сборов навестил Антона Павловича в Ялте. Оба они были рады этой встрече. Тогда на камине в чеховском кабинете появилось левитановское панно — стога сена на лугу и бледный диск луны. Это была их последняя встреча. „Пребывание мое в Крыму удивительно восстановило меня — до сих пор работаю этим зарядом“, — писал уже смертельно больной Левитан своему другу 7 февраля 1900 г. и шутливо прибавлял: „Ты пожалуйста не припиши это себе — ты гадко влиял на меня (развращал)“. Через несколько дней (16 февраля) он пишет: „Голубчик, ты тоскуешь в Ялте, но смертная тоска и здесь. Только издали все розово“.

Левитан был большим другом семьи Чехова. В 80-х годах он особенно близко сошелся с Антоном Павловичем и, по свидетельству Щепкиной-Куперник, „играл большую роль в молодые годы Чехова“, впрочем, близкие их отношения нашли яркое выражение в их переписке. Случайная размолвка, о которой подробно было рассказано уже не раз⁹, не надолго омрачила их дружеские отношения. Через год они встретились вновь как ни в чем не бывало, и все возобновилось

⁷ Письма от 24 марта 1886 г. из Ялты. Цитируемые в этой статье письма находятся в рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве.

⁸ Отрывок из этого письма приведен в статье Глаголя „И. Левитан“, сб. „Новое слово“, вып. I, 1907, стр. 234.

⁹ В связи с опубликованием рассказа „Попрыгунья“.

И. Чехов. Бедность. Масло. 1885—1886. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Публикуется впервые.

N. Tchekhov. La pauvreté. Peinture inédite. 1885—1886. Musée A. Tchekhov à Yalta.

Левитан любил ездить в Мелихово к Чехову, гостил там по нескольку дней, ходил весной вместе с Антоном Павловичем на тягу; звал Чехова приехать к себе, когда уезжал летом на этюды, соблазняя рыбной ловлей, и Чехов иногда такие поездки охотно совершал. Так, в 1895 г. он ездил на три дня по вызову Левитана в Троицкое и Левитан с благодарностью ему писал: „Не знаю почему, но те несколько дней, проведенных тобой у меня, были для меня самыми покойными днями за все лето“.

Когда осенью 1897 г. И. И. узнал о серьезном заболевании Чехова, он послал ему 21 сентября взволнованное письмо с приложением 2 000 р., которые достал ему в долг у Морозова, зная, что Чехов нуждался в деньгах. „Милый, дорогой, убедительно прошу не беспокоиться денежными вопросами — все будет устроено, а ты сиди на юге и поправляй свое здоровье“, — писал в этом письме Левитан. — „Голубчик, если не хочется, не работай, ничего, не утомляй себя. Все в один голос говорят, что климат Алжира чудеса делает с легочными больными. Поезжай туда и не тревожься ни о чем. Пробудь до лета, а если не поправишься, и дальше. Очень вероятно, что я подъеду к тебе и там авось вдвоем не соскучимся... Жму твою руку. Очень любящий тебя Левитан“.

Чехов в свою очередь любил Левитана, высоко ценил и понимал его талант, всегда следил за его работами, которые были ему близки по духу, иногда давал художнику свои советы и указания. К его словам Левитан прислушивался, он верил художественному чутью и вкусу Антона Павловича. В одном из писем он просил Чехова посмотреть в Ялте с целью покупки пейзажи покойного Ф. А. Васильева, всецело полагаясь на его оценку.

В письмах Чехова не раз встречаются высказывания о работах Левитана. Вот некоторые из этих отзывов: „Был я на передвижной выставке. Левитан празднует именины своей великолепной музы (писал А. П. из Петербурга сестре 16 марта 1891 г.). Его картина производит фурор. По выставке чичеронствовал мне Григорович, поясняя достоинства и недостатки всякой картины; от левитановского пейзажа он в восторге. Полонский находит, что мост слишком длинен; Плещеев видит разлад между названием картины и ее содержанием: „Помилюте, называет это тихою обителью, а тут все жизне-радостно...“ и т. д. Во всяком случае успех у Левитана не из обыкновенных“ (Письма, т. III, стр. 199). В письме из Парижа от 21 апреля 1891 г., сообщая о посещении салона, он писал: „Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан — король“ (Письма, т. III, стр. 228).

Осенью 1903 г., уже после смерти Ле-

Н. Чехов. Балкон дачи в Бабкине. Масло. 1886. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Публикуется впервые.

N. Tchekhov. Balcon de la maison de campagne à Babkino. Peinture inédite. 1886. Musée A. Tchekhov à Yalta.

витана, Антон Павлович говорил М. Первухину: „Как мало ценят и как мало дорожат вещами Левитана. Это такой огромный самобытный и оригинальный талант. Это что-то такое свежее, сильное, что должно было бы переворот сделать. Да, рано, рано умер Левитан“¹⁰.

На просьбу С. П. Дягилева написать о Левитане для журнала А. П. Чехов отвечал: „Вы хотите, чтобы я сказал несколько слов о Левитане, но мне хочется сказать не несколько слов, а много. Я не тороплюсь, потому что про Левитана написать никогда не поздно. Теперь же я нездоров, сижу с компрессом, недавно было кровохарканье...“ С. Глаголь сообщал, что и ему Чехов давал обещание написать о Левитане и для начала хотел прислать описание охоты „Тяга на вальдшнепов“, на которой однажды ранней весной был он вместе с Левитаном близ монастыря „Давыдова пустынь“. Это намерение, к сожалению, так и не осуществилось.

Взаимное влияние на творчество Чехова и Левитана — несомненно. Их дружба была основана не только на взаимном расположении друг к другу; в ней было что-то большее. Левитан был начитанным человеком, знал и любил русскую поэзию, следил за литера-

¹⁰ „Русское слово“, № 189 от 9 июля 1904 г.

Н. Чехов. Портрет Ани Маевской, изображенной А. П. Чеховым в рассказе „Детвора“. Масло. Гос. литературный музей. Публикуется впервые.

N. Tchekhov. Portrait de Ania Mayevskaya. Peinture inédite.
Musée de Littérature à Moscou.

турой, радовался растущему успеху Чехова¹¹. В Чехове он видел тонкого художника, мастера северного русского пейзажа. Вот что писал он ему однажды с Волги (видимо, в 1888 г.): „Дорогой Антоша... С переменой погоды стало здесь интересней. Явились довольно интересные мотивы. В предыдущие мрачные дни, когда охотно сиделось дома, я внимательно прочел еще раз твои „Пестрые рассказы“ и „В сумерках“ и ты поразил меня как пейзажист. Я не говорю о массе очень интересных мыслей, но пейзажи в них — верх Саврасова. Картины степи, курганов, овец поразительны. Я вчера прочел этот рассказ¹² вслух С. П.¹³ и Лике¹⁴ и они были в восторге“...

В описании природы Чехов отошел от традиционных приемов, заимствованных у Тургенева, и выступил в этой области новатором. Уже в его рассказах 1882 г. встречаются лирические отступления в зарисовке пейзажей. А скоро он совсем отошел от манеры изображения природы подробным выписыванием пейзажа. „Описания природы у Тургенева хороши, — писал он Суворину, — но чувствую, что мы уже отвыкаем от описания такого рода, и нужно что-то другое“. Это другое он дал в лирическом пейзаже. Несколькими беглыми штрихами, акцентом на характерные частности набрасывал он пейзаж. Особенность этого приема заключалась в том, что природа всегда сопровождает развитие внутреннего лица человека. Природа у Чехова всегда дана лишь в связи с человеческим ощущением, через настроение героя, как определенная деталь его душевного мира¹⁵. Чехов требовал максимальной лаконичности. Вот какие советы давал он брату Александру в письме от 10 мая 1886 г.: „Описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер *à propos*... Надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если напишешь, что на мельничной плотине яркой звездой мелькнуло стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка¹⁶ и т. д. Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями“ (Письма, т. I, стр. 230).

Григорович восторгался изображением пейзажа короткими, смелыми штрихами в чудесном чеховском рассказе „Агафья“, написанном также в Бабкине в 1886 г. Еще шире и полнее развернул Чехов свой новый прием описания природы в известной повести „Степь“.

Очень схожие высказывания о лаконизме в изображении пейзажа услышим мы и в словах И. И. Левитана, который считал, что в описаниях природы Чехов — „верх Саврасова“. Вот как Левитан описывал картину Саврасова „Грачи прилетели“: „Какой ее сюжет? Окраина захолустного городка, старая церковь, покосившийся забор, поле, тающий снег и на первом плане несколько бе-

¹¹ В письме из Алупки 29 апреля 1886 г. Левитан писал Чехову: „Не забудьте написать содержание писем Григоровича, это меня крайне интересует. Да и вообще Вы такой талантливый крокодил, а пишете пустяки, чорт вас возьми“. Много лет спустя, в письме от 16 февраля 1900 г.: „На днях слышал о новом твоём рассказе „В усадьбе“ (еще сам не читал), — говорят, что изумительно по достоинству“. И дальше шутит: „Неужели ты способен к созданию таких произведений?“

¹² Вероятно, рассказ „Счастье“.

¹³ Софье Петровне Кувшинниковой, знакомой художнице, ученице Левитана.

¹⁴ Лидии Стахиевне Мизиновой, — хорошей знакомой семьи Чеховых и Левитана.

¹⁵ См. Л. М. Мышковская, Чехов и юмористические журналы 80-х годов. М., изд. „Московский рабочий“, 1929.

¹⁶ Прием, использованный самим Чеховым в рассказе „Волки“.

резок, на которых уселись прилетевшие грачи — и только. Какая простота! Но за этой простотой вы чувствуете мягкую, хорошую душу художника, которому все это дорого и близко его сердцу. Возьмите вы его же другую картину — „Могила на Волге“, широкая, уходящая вдаль, могучая река с нависшей над ней тучею, впереди одинокий крест и облетевшая березка — вот и все, но в этой простоте целый мир высокой поэзии“.

Еще более убедительным свидетельством стремления художника к максимальной простоте, к лирическому ощущению природы

вполне аналогичному чеховскому, служат, конечно, его собственные многочисленные работы.

В творчестве Чехова и Левитана можно подметить много общих, роднящих их черт. Тема эта сейчас может быть лишь поставлена, окончательное же раскрытие ее потребует особой работы. Во всяком случае, ясно, что эту общность следует искать не в „импрессионистическом“ приеме трактовки пейзажа, а в глубокой проникновенной любви к русской природе, в лирике ее ощущения у великого писателя и великого художника

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПО ПОВОДУ СМЕРТИ А. К. САВРАСОВА¹

Не стало художника А. К. Саврасова, не стало одного из самых глубоких русских пейзажистов. Конечно, не в газетной заметке можно дать характеристику такого большого художественного явления, каким был покойный Саврасов. Это — дело историка русской живописи, а мне, как его ученику и поклоннику, хотелось бы хоть кратко определить то значение и влияние, какое имел Саврасов в русском пейзаже. Расцвет его таланта принадлежит главным образом к семидесятым годам. За последние 15—20 лет он уже не являлся на выставках, и о нем как бы забыли. Здесь не место разбирать те причины, в силу которых он ушел с арены живописи, скажу одно: жизнь его за последние 15—20 лет была беспросветна и трагична.

До Саврасова в русском пейзаже царствовало псевдоклассическое и романтическое направление; Воробьев, Штеренберг, Лебедев, Щедрин — все это были люди большого таланта, но, так сказать, совершенно беспочвенные: они искали мотивов для своих картин вне России, их родной страны, и главным образом относились к пейзажу как к красивому сочетанию линий и предметов. Саврасов радикально отказался от этого отношения к пейзажу, избирая уже не исключительно красивые места сюжетом для своих картин, а наоборот, стараясь отыскать и в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трага-

тельные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле.

И в самом деле, посмотрите на лучшие из его картин, например „Грачи прилетели“; какой ее сюжет? — окраина захолустного городка, старая церковь, покосившийся забор, поле, тающий снег и на первом плане несколько березок, на которых уселись прилетевшие грачи, — и только. Какая простота! Но за этой простотой вы чувствуете мягкую, хорошую душу художника, которому все это дорого и близко его сердцу. Возьмите вы его же другую картину — „Могила на Волге“. Широкая, уходящая в даль, могучая река с нависшей над ней тучею; впереди одинокий крест и облетевшая березка — вот и все; но в этой простоте целый мир высокой поэзии.

Да, покойный Саврасов создал русский пейзаж, и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта в области русского искусства. Было бы крайне желательно, чтобы в возможно скорейшем времени была устроена посмертная выставка только что скончавшегося художника. Тогда бы всем стало ясно, какого талантливого и самобытного художника мы лишились.

И. ЛЕВИТАН

(Газета „Русские ведомости“, № 274 от 4 октября 1897 г., стр. 4)

¹ А. К. Саврасов — учитель И. И. Левитана — умер в Москве во 2-й Городской больнице 26 сентября 1897 г. — *Ред.*